

Содержание

Часть I

Звать Бога по имени	8
Страшная глубина молитвы.....	9
Молитва: в чем ее ценность?.....	13
Молитвиться или молиться?	21
Белый камень с именем для Бога.....	43

Часть II

Лицом к Лицу	54
Как встретиться с Богом в молитве?.....	55
Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой: молитва непостижимому Богу.....	65
Будем начинать день, словно Лазарь, вызванный из гроба: о молитвенном правиле.....	80
Отче наш, иже еси.....	86
Иисусова молитва.....	91
О непрестанной молитве.....	115
Прикосновение к преображенному миру: молитва на богослужении.....	128
Даже если мы недостойны.....	139

Часть III

Молитва в круге жизни	154
Молитва и деятельность.....	155
Молитва и рассуждение.....	181
Зачем говорить с Богом.....	194
Первая беседа: слова, которые ударяют в душу.....	194
Вторая беседа: встреча в молчании.....	211
Молитвенная жизнь.....	227
Первая беседа: чтобы молиться, надо иметь Бога	227
Вторая беседа: «Господи, Тебе, может быть, одиноко: знай, что я помню о Тебе!».....	258

Часть IV

«Я с вами говорю как с друзьями».

Ответы на вопросы о молитве	284
--	-----

Часть V

Молитвы митрополита Антония	316
Молитвенное предстояние.....	319
«Господи, я стою в благоговении...».....	319
«Я пришел к Тебе с сухим сердцем...».....	323
«Тебя благодарю, Господи...».....	328
В течение дня.....	330
Перед утренним правилом.....	330
Перед вечерним правилом.....	334

Перед тем как молиться словами святых.....	335
Помолившись словами святых.....	336
Святому.....	338
Перед чтением Евангелия.....	339
После чтения Евангелия.....	339
Об исцелении телесном и душевном.....	342
«Скажи слово, Господи, чтобы мне исцелеть...».....	342
«Господи, неужели я снова, как призрак, стал на собственном своем пути...»	345
«Я хочу простить...».....	346
«Господи, Ты послал мне этого человека, словно Твоего вестника...»	348
«Соедини нас, Господи, в Единое Тело...».....	350
Заступническая молитва	352
«Господи, здесь нужда...»	352
«Не осуди его, Господи!»	357
Молитва об усопших.....	359
«Этот человек жил не зря»	359

Часть I

Звать Бога по имени

Страшная глубина молитвы*

Приходится слышать и читать в современной литературе: молитва так интересна, молитва так полна жизни — почему бы вам не приступить к молитве? А мне хотелось бы, наоборот, сказать: будьте осторожны! Молитва полна глубины, но глубины страшной, поистине *страшной*, потому что это встреча лицом к лицу с Самим Господом.

Моисей, пророки, праведники с трепетом подходили к Богу — а они были святые... как же мы можем приступить к Богу без страха и трепета? Ведь всякая встреча с Богом — это нечто подобное последнему суду: безответственно в Божие присутствие нельзя прийти. Встретив Господа, можно отойти от Него только оправданным или осужденным, другом или врагом — среднего пути нет.

* Проповедь, которая, предположительно, была произнесена в лондонском приходе в 1971 году. Здесь и далее названия глав даны редактором.

Бог нас создал. Он нас создал для того, чтобы мы имели радость бытия, радость Им жить, радость Его знать, радость знать и любить друг друга. Он открыл нам возможность вместе строить Царство Любви, мира, вечной радости... Он наш Творец, мы от Него зависим совершенно. И это могло бы быть страшно, если бы это не был Бог любви, потому что зависеть от кого-либо страшно — если мы не любимы.

Но Он нас любит. Он нас так любит, что стал человеком, страдал, умер для того, чтобы мы могли быть свободны, любить и жить. Как естественно должно бы нам желать встречи с Ним. И, однако, это не всегда так. Иногда нам этой встречи хочется, но иногда мы ее откладываем, мы ее боимся.

Почему? Потому что мы Его не знаем лично, близко, не знаем как друга, как родного. В этом наша вина. Мы могли бы Его знать, если только подходили бы к Нему в молитве и стояли перед Ним лицом к лицу, давая Ему возможность нас встретить. И тогда желание молиться росло и росло бы в нас, как желание радости, как нарастание жизни.

А молитва бывает иногда трудна. И не только потому, что мы не знаем Бога, а потому, что нам стыдно. Стыдно не столько своих

грехов, сколько своей молитвы. Нам кажется, что молитвенные слова неправдивы, мы обращаемся к Богу с одним, а жизнь наша говорит о другом, мысли наши не соответствуют нашим словам. В сердце очень много того, чего нельзя уложить в слова молитвенные.

Что с этим делать? Часто мы выправляем это самым простым, бессмысленным, безнадежным образом: мы перестаем молиться. Мы укрываемся от Бога, мы создаем себе мир, в котором наша неправда *укладывается*.

Но тогда мы теряем и молитву, и Бога, и смысл, и жизнь. Настоящий путь, выводящий нас из этого тупика, — трудный путь. Надо переменить жизнь, переменить внутри своего сердца. Надо стать достойными тех молитвенных слов, которые мы произносим. И тогда мы сможем говорить правдиво, и тогда молитва будет радостью живой встречи.

Как же нам научиться молитве? Раньше всего помнить: не только в те моменты надо молиться, когда молитва бьет ключом из наших сердец...

Один мальчик как-то у меня спросил: имею ли я право, когда я так счастлив, что Бог меня любит, прыгать, танцевать и кричать: я Тебя люблю, я Тебя люблю, я так Тебя люблю?..

Да, мальчик был прав, и как было бы замечательно, если и взрослые могли бы так же непосредственно и живо молиться.

Но есть моменты, когда молитва не дается так легко. Тогда надо молиться из глубины своих убеждений. Потому что не всегда мы можем чувствовать живо — но мы от этого не меняемся. Иногда усталость одолевает нас, иногда мы ничего не чувствуем, кроме боли в теле и усталости душевной. Но мы *можем* Господу сказать — за пределом этого бесчувствия, глубже этой усталости: «Я *знаю* Тебя, я *люблю* Тебя, о Боже, Отче, Ты — моя надежда, о Господи Иисусе, Ты — моя защита. Душе Святый, Ты — моя помощь, Троице Святая, Боже мой, благословен еси во веки!»

Молитва: в чем ее ценность?*

В какой-то степени говорить о ценности молитвы людям, имеющим молитвенный опыт, столь же бессмысленно, как и рассказывать о нем тем, кто такого опыта не имеет. Для новонаначального молитва — как дыхание, как жизнь, как любовь, как все сущее, все, что для него важно. С этой точки зрения она выходит за рамки понятия ценности.

Например, мне вспоминается старинная легенда, в которой рассказывается, как один человек был изгнан из своего царства и бродил по свету вместе со своей женой. Изгнали его из-за наложенного на него проклятия, и он решил, что если расстанется с супругой, то сможет избавиться от проклятия хотя бы ее. Пока она спала, он ушел. И вот она целыми днями бродит по лесам и долам и взывает к нему: «Где ты? Где ты?

* Беседа состоялась в среду четвертой седмицы Великого поста 1980 года в храме св. Иакова на Пикадилли. Пер. с англ. А. Дик.

Я не могу без тебя жить. Почему ты скрылся от меня? Отчего ты так жесток? Приди же!»

Не так ли начинается всякая сердечная молитва, не это ли переживают те из нас, кто однажды коснулся края одежды, а потом утратил ощущение божественного присутствия? «Где Ты, Господи? Отчего Ты так жестоко скрылся от меня? Я не могу без Тебя жить!» Применимо ли вообще к этому воплю слово «ценность»? Это ведь не то, что можно выбрать или не выбрать, либо выбрать лишь из-за присущей ему ценности, которой не обладают другие вещи. Это вопль всего нашего существа: «Господи, я не могу жить, когда Ты удаляешься от меня!»

Бывают чудесные моменты, когда Господь приближается к нам настолько, что мы забываем о земле и о небе. Есть такая японская пословица: то, что наполняет душу до краев, не дает следить за временем. Нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего — только то, что переполняет душу. Что мы ощущаем в такие моменты, как не единение, безмятежность, упоение, бесконечный мир и покой? Ничего другого нам не нужно. Царство Божие уже явилось в силе. Все уже сбылось. Все уже состоялось. Вечность для нас уже не другой мир, не стремление к ней, но ни больше ни меньше как настоящее, наша нынешняя жизнь.

Бывают моменты страданий, когда нас терзает физическая боль или душевная тревога. А бывают моменты, когда мы способны потерпеть и произнести: «Господи, дай мне разделить с Тобой ужас Гефсиманского сада, Твою крестную муку, позор бичевания, предательство Иуды — того, кто назывался Твоим ближайшим другом и предал Тебя, отречение Петра — еще одного Твоего друга, который почел за лучшее не знать Тебя, чтобы не подвергаться опасности. Позволь мне разделить с Тобой все это». Тогда наша молитва изливается из глубины души в единении со Христом, и Христом распятым. В такие моменты мы душой и телом способны понять загадочные слова апостола Павла: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1: 24).

Но бывают такие моменты, когда на первый план выходит наша человеческая слабость, когда подводит выдержка, сдает мужество, колеблется вера, а мы обращаемся к Богу со словами: «Доколе, Господи, доколе?»

В нашем мире таких ситуаций очень мало, они возникают редко. Но есть страны, которые так страдают под гнетом физической и душевной боли, что «Доколе, Господи, доколе?» там, наверное, восклицают миллионы людей.

Во время всех этих испытаний, которые я упомянул, слова рождаются не из каких-либо религиозных убеждений и не представляют собой мировоззрение, выраженное в молитве, — они изливаются из души подобно тому, как кровь вытекает из раны, как ликующая радость потоком извергается из сердца.

Бывают моменты, когда мы сталкиваемся с болью и терзаниями других людей и заступаемся за них перед Богом, обращаясь к Нему с молитвенным ходатайством. Но заступиться за другого человека не означает просто стать пред Богом и воззвать к Нему с благодарностью и с просьбой протянуть Свою руку, чтобы поддержать немощного и слабого, облегчить боль, дать надежду — хотя бы отблеск надежды. Заступиться за кого-то — значит обратиться к Богу так, как обратился к Нему пророк в шестой главе Книги Исаии: «И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать?» И в ответ пророк сказал: «Вот я, пошли меня» (Ис. 6: 8). В этот момент мы принимаем на себя ответственность за все происходящее.

Однажды при мне группа студентов задала великому американскому антропологу Маргарет Мид вопрос о том, что можно сделать, столкнувшись с насилием. Достаточно ли

в этом случае слов? Надо ли создать политическое или общественное движение?

Со свойственной ей восхитительной прямоотой она ответила: «Прежде чем делать что-либо из этого, встаньте между жертвой и человеком, который собирается нанести удар». Вот это настоящее заступничество — готовность встать между двумя противоборствующими сторонами, между молотом и наковальней. Это настоящее заступничество, тот момент, когда молитва и жизнь соединяются. В отсутствие жизни, которая демонстрирует истину, молитва оказывается ложью, высшим проявлением лицемерия применительно к Богу и применительно к человеку.

Молитва и жизнь соединяются в нашем поиске Бога, стремлении к Нему, воззвании к Нему в Его отсутствие, соединяются в тот момент, когда вся наша жизнь превращается в одну сплошную муку или всепоглощающую радость. Жизнь становится настоящей, когда наша молитва исполняется сопереживания, сопричастности нуждам других людей.

Можно ли в таком случае говорить о том, что молитва обладает ценностью? Конечно, она ею обладает. Эта ценность — возможность в полной мере быть самим собой, не только по отношению к Богу, но и по отношению

к ближнему. По отношению к ситуации в обществе, по отношению к судьбам всего мира. Или иногда попросту к судьбе другого человека — и это ничуть не менее значимо, ведь вы в этот момент, возможно, приоткрываете для него дверь Царства Божьего.

Ценность молитвы состоит и в том, что она представляет собой очень серьезное испытание наших желаний и нашей воли. В начале своей небольшой брошюры о молитве американский писатель Теодор Уэдделл пишет, что если мы не сводим молитву к произнесению слов, если мы включаем в нее все свои сердечные порывы, устремления всего своего существа, все свои мысли, всю свою волю, то возникает два вида молитвы, и важно иметь мужество и честность, чтобы отличить один от другого.

Есть молитва, которая могла бы принадлежать Господу Иисусу Христу, — молитва истины, молитва духа. А есть молитва, которая никак не может исходить от Господа, которую Он счел бы богохульством, поскольку она сокрушает стены небесного града Иерусалима, разрушая и в нас, и вокруг нас целостность Царства Божьего.

Как часто мы читаем молитвы, которые звучат набожно. Мы произносим слова, которые Бог может слышать без отвращения, без стыда за нас. Но в то же время из нас рвется другой вопль, который не восходит к Богу, — это вопль об удовлетворении чего-то иного: хотений нашей плоти, обид наших сердец, владеющей нашими помыслами горькой жажды мести, стремления к праздности, желания, чтобы Бог сделал за нас то, что мы должны сделать для Него. Вот подлинные молитвы, которым Господь может внимать с ужасом и болью, потому что они отрицают и лишают смысла Его вочеловечение, Его жизнь и Его смерть.

Как часто мы произносим набожные слова, но при этом не желаем воплощать их в жизнь. «Но раз так, — пишет Теодор Уэдделл, — то неужели мы не понимаем, что наша подлинная молитва, которая является выражением желаний нашего тела и души, обращена к тому, кто готов удовлетворить эти желания, — не ко Христу, но к врагу рода человеческого?»

В таком случае молитва становится не просто излиянием души перед Богом, но строгим критерием. С ее помощью можно определить, отдана ли душа Богу или врагу, стоим ли мы на стороне Бога или в лучшем случае пока нет.

Тогда молитва превращается в мельничный жернов, который перемалывает в нас все, что чуждо Богу, — все без исключения. В таком случае, как написал в XIX веке один богослов, молитва становится кинжалом, который мы добровольно вонзаем себе в сердце. Лучше умереть, чем стать предателем.

Вот несколько мыслей, которые я хотел до вас донести.

А теперь давайте помолчим немного перед лицом Господа, а после спросим себя: «Где я нахожусь во время молитвы? Перед Богом или перед врагом? Перед истиной жизни или перед смертью?»

Молитвиться или молиться?*

Прежде всего я хотел бы провести грань между двумя очень разными явлениями, которым один семилетний мальчик придумал забавное название. Как-то вечером ему пришлось молиться вместе с матерью дольше, чем он хотел, и после этого он попросил ее: «Если мы закончили молитвиться, давай немного помолимся». Он заметил разницу между этими действиями: «молитвиться» значило вычитывать определенное количество молитв, выбранных его матерью как подходящие для ребенка и угодные Богу, а сам он хотел поговорить с Богом, рассказать Ему что-то, может быть, даже несколько вещей, которые были у него на сердце, как если бы он говорил с другом, а не писал официальное воззвание.

Мне кажется, это очень важно различать. Проблема в том, что чем более церковную

* Беседа состоялась 17 сентября 1984 года в Пекхэме.
Пер. с англ. А. Дик.

жизнь мы ведем, тем больше мы привыкаем «молитвиться» и тем меньше замечаем разницу между вычитыванием молитв, песнопениями «для Бога», если можно так сказать, и словами, идущими от сердца.

Говорить от сердца трудно, потому что для этого необходимы две вещи: Бог, к Которому можно обратиться, и сердце, желающее говорить с Ним.

Когда я был еще молодым священником, меня просили: «Расскажите, пожалуйста, что делать, чтобы научиться молиться». У меня всегда был готов ответ, я говорил: «Вот молитвослов, читайте его так-то и так-то, внимательно, благоговейно, без спешки, искренне, это будет ваша молитва». А потом оказалось, что некоторым людям это дается легко, а некоторым — невыносимо тяжело, и я выяснил, что некоторые люди вполне могут благочестиво, внимательно и серьезно читать эти молитвы, но при этом читая их как бы самим себе. Они никогда не обращались с ними к Богу и ни разу не чувствовали, что говорят с Богом, поскольку Бог, в Которого они верят, настолько туманен, далек и нереален, что им совершенно нечего Ему сказать. Знаете, общаться можно с реальным человеком, но не с вымышленным персонажем...

Итак, первый вопрос, который мы должны задать себе, если хотим научиться молиться, а не декламировать, читать или распевать молитвы: есть ли у меня Бог, Которому я могу молиться, Бог, Который является для меня реальной личностью, к Которому можно обратиться?

Английское слово God (Бог) происходит от германского корня, который означает «Тот, перед Которым простираются в преклонении». В этом определении ничего не говорится о том, каков Бог, — только о том, что происходит с человеком в Его присутствии или при всепоглощающем ощущении Его присутствия.

Так почему бы не задать себе вопросы: было ли у меня хоть раз в жизни ощущение божественного присутствия, охватывал ли меня трепет, случалось ли мне в храме, или в моей комнате, или где-нибудь на улице, среди полей и деревьев, почувствовать тишину, которая обладает глубиной, покой, который исходит не от меня, а наоборот, царит вокруг меня и проникает в меня, наполняет меня и завладевает мной? Был ли у меня опыт, который позволяет мне говорить о том, что у меня состоялась встреча с Богом? Может быть, я лишь коснулся края Его одежды, как

женщина, о которой говорится в Евангелии, что она коснулась края одежды Христа и исцелилась. Может быть, как апостол Павел, я на долю секунды оказался лицом к лицу с ослепительным, ошеломительным ощущением присутствия Бога.

Конечно, может быть и нечто среднее: моменты глубины, мира, покоя — моменты, в которые становишься глубже, чем казалось возможным, моменты погружения в тишину, которая сотворена не нами, моменты ощущения мира более глубокого, чем все, что мы испытывали, и, очевидно, не вызванного сложившимися обстоятельствами, когда посреди трагических событий испытываешь умиротворение, превосходящее всякое понимание.

Это важно, ведь чтобы говорить с кем-то, как я упоминал в начале беседы, нужен тот, с кем говорить. Нельзя говорить в пустоту.

Второе условие — сердце, которое стремится говорить с Богом, и для этого надо понимать: Бог, к Которому мы обращаемся, заботится о нас, мы любимы, мы важны для Него, Он велик до такой степени, что для Него ничто не может быть слишком мелко, ведь за определенной гранью величия разница между большим, малым и средним становится незаметна.